

ТАТЬЯНА СТАНИСЛАВОВНА БОРИСОВА
кандидат филологических наук, PhD, доцент факультета
русской филологии и славяноведения, Афинский национальный университет имени И. Каподистрии (Афины, Греция)
borisova@slavstud.uoa.gr

ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ ПОЭТИКИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДНЫХ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Статья посвящена анализу особенностей воспроизведения поэтических средств византийской гимнографии в ранних славянских переводах. Исследование проводилось на материале церковнославянского перевода Антифонов Великой Пятницы по пятнадцати южно- и восточнославянским спискам XI–XIV веков из богослужебных сборников (триодей и стихирарей), разделенным нами на четыре хронологически последовательные редакции. Диахронный подход, основанный на сопоставлении вариантов различных редакций, позволил выделить поэтические средства византийских гимнографов, правильной передаче которых славянские переводчики и редакторы уделяли особое внимание при переводе и последующем переписывании и редактировании текста. К ним относятся синтаксический параллелизм, лексические повторы и паронимия как корневых морфем, так и аффиксов. Были выделены две редакции, отличающиеся более высокой в сравнении с другими степенью передачи образных средств: редакция, восходящая к первому славянскому переводу, и редакция, появившаяся в результате Афонской sprawy. Данные редакции по-разному подходят к переводу поэтического текста: если создатель первой редакции пытается не механически перенести образные средства оригинала, но создать подобные им в тексте перевода, то справщик Афонской редакции стремится совместить дословную точность с точностью поэтической. Результаты исследования позволяют лучше представить процесс формирования поэтического арсенала церковнославянского языка.

Ключевые слова: церковнославянская книжность, византийская гимнография, переводы богослужебных текстов, Антифоны Великой Пятницы, историческая поэтика, паронимия, паронимазия, синтаксический параллелизм

Общеизвестно, что поэтические языковые средства русского и других славянских языков, входящих в ареал *Slavia Orthodoxa*, формировались под непосредственным влиянием византийских образцов. Однако конкретный механизм этого культурного и языкового переноса, осуществлявшегося путем перевода на церковнославянский язык и последующей языковой и культурной ассимиляции византийских текстов, остается до сих пор практически неисследованным [4: 187]. Цель настоящей работы – прояснить некоторые аспекты и этапы данного процесса на материале церковнославянского перевода одного из шедевров византийской гимнографии – единственного во всем годовом богослужении цикла из 15 антифонов разных гласов, исполняющихся на утрени Великой Пятницы в промежутках между чтением 12 Евангелий Святых Страстей¹ [9: 208–224].

Для изучения поэтической структуры данного церковнославянского текста был применен использовавшийся нами ранее метод диахронного сравнительного анализа поэтики переводных славянских гимнов [2], [7]. Суть этого метода состоит в сопоставительном рассмотрении степени передачи художественно-образительных средств в различных редакциях и списках на

ранних этапах истории славянского текста [2: 42–43]. Известно, что в древней церковнославянской книжности, существовавшей в рукописной форме, текст не имел фиксированного вида, но был представлен множеством вариантов, содержащихся в различных рукописных традициях [6: 7]. Некоторые из этих вариантов возникали вследствие ошибок переписчиков рукописей, другие были результатом сознательных исправлений, вносимых в текст писцами и редакторами. В случае переводных гимнографических текстов церковнославянский текст неоднократно исправлялся по греческому оригиналу произведения [10: 131–133]. Диахронный подход к переводному славянскому тексту, представленному в рукописной традиции, предполагает не только реконструкцию исходной формы данного текста, но также и воссоздание всех изменений, произошедших в нем за время его истории, и объяснение их возможных причин в сопоставлении с рукописной традицией греческого оригинала произведения. Таким образом, при диахронном рассмотрении славянский текст приобретает и еще одно – временное – измерение, а мы, наблюдая за жизнью перевода, получаем возможность проследить за развитием церковнославянского языка в целом. Данный

подход, который может быть использован при изучении различных аспектов переводного текста, приобретает особую важность при рассмотрении его поэтической структуры. Именно он дает исследователю возможность посмотреть на текст не сквозь призму современных ему поэтических категорий, но с позиций средневекового книжника, оценить различные его элементы – в нашем случае поэтические – на основании его оценочной шкалы, с точки зрения того, что сам создатель или читатель данного текста понимали под поэтичностью. Важность данных сведений особенно велика для средневековой церковнославянской книжности, от которой до нас дошло немного теоретических трудов по поэтике и риторике.

Диахронное рассмотрение поэтики переводных славянских текстов обязательно должно отталкиваться от результатов текстологического исследования, выявляющего взаимоотношения различных славянских списков, хронологическую последовательность появления редакций текста и связи церковнославянского перевода и греческого оригинала. В данном случае оба исследования, проводившиеся параллельно, основывались на следующих 15 славянских списках XI–XIV веков из различных рукописных богослужебных сборников:

Южнославянского происхождения:

1. Триодь постная и цветная (*Шафариковская*), конец XII – начало XIII в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр Ф. п. I. 74 (далее *Шафар.*),
2. Триодь постная и цветная, первая половина XIII в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр Ф. п. I. 68 (далее *F. п. I. 68*),
3. Триодь постная и цветная (*Загребская*), XIII в., Загребский Архив, Скопия, IV d 107 (далее *Загреб.*)²,
4. Триодь постная и цветная (*Орбельская*), XIII в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр Ф. п. I. 102 (далее *Орбел.*)³,
5. Триодь постная и цветная, конец XIII в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр Ф. п. I. 92 (утрачены листы, на которых содержались антифоны с шестого (второй тропарь) до одиннадцатого (предпоследний тропарь)) (далее *F. п. I. 92*),
6. Триодь постная и цветная, конец XIII в., Государственный исторический музей (ГИМ), Москва, собрание Хлудова, шифр 133 (далее *Хлуд. 133*),
7. Триодь постная и цветная, 1328 г., Национальная библиотека Сербии, Белград, шифр 645 (далее *НБС 645*),
8. Триодь цветная, 1359, рукописное собрание монастыря Святой Екатерины на Синае, шифр Slavonic 24 (далее *Slav. 24*),
9. Триодь цветная, 1392, Государственный исторический музей (ГИМ), Москва, собрание Хлудова, шифр 134 (далее *Хлуд. 134*).

Восточнославянского происхождения:

1. Триодь постная и цветная (*Триодь Моисея Киянина*), конец XII – начало XIII в., Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Москва, фонд 381, шифр 137 (далее *Киян.*),

2. Триодь цветная (*Синодальная*), русская, XI/XII в. и XIII в., Российский государственный архив древних актов (РГАДА), фонд 381, № 138,
3. Триодь цветная, нотированная, русская, кон. XII в., Государственный исторический музей (ГИМ), Москва, Воскресенское собрание, шифр 27,
4. Стихирарь постный и цветной, русский, XII в., собрание славянских рукописей Хиландарского монастыря, шифр 307, цитируется по фототипическому изданию Р. Якобсона⁴, пропущенный лист между листами 41 и 42 с текстом антифонов – собрание Димитриевского, шифр 44 (Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург),
5. Стихирарь постный и цветной, нотированный, русский, XIII в., Государственный исторический музей (ГИМ), Москва, собрание Успенского, шифр 8,
6. Стихирарь постный и цветной, нотированный, русский, конец XII – начало XIII в., Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Москва, фонд 381, шифр 147.

Греческий оригинал текста привлекался для сопоставления по используемым в современной богослужебной практике триодям⁵, а также по изданию А. Паподопулоса-Керамеуса⁶.

Сопоставление состава тропарей антифонов списков, а также различий между списками позволило выделить следующие хронологически последовательные редакции славянского текста:

- 1) древнейшая славянская редакция, вероятно, восходящая к первому корпусу славянских переводов византийской гимнографии, в наиболее полном виде представленная в *F. п. I. 68* и *Киян.* (далее *редакция А*),
- 2) редакция, вероятно, возникшая в результате первого этапа так называемой Преславской sprawy славянских литургических книг, отразившаяся в полном виде во всех восточнославянских списках, за исключением *Киян.*, а также в компиляциях с редакцией А в списках *Загреб.*, *НБС 645* и *F. п. I. 92.* (далее *редакция Б*),
- 3) редакция, отразившая второй этап Преславской sprawy и повлиявшая исключительно на болгарскую традицию. В относительно чистом виде сохранилась в *Хлуд. 133*, в компиляции с редакциями А и Б – в *Орбел.* и *Шафар.* (далее *редакция В*),
- 4) наконец, редакция, появившаяся в результате масштабной sprawy всех славянских богослужебных книг, проведенной на горе Афон в конце XIII века, рассмотренная по спискам *Slav. 24* и *Хлуд. 134.* (далее *редакция Г*).

Фрагменты текста для сопоставительного анализа выбирались по следующим параметрам:

1. Наличие данного фрагмента текста (точнее, тропаря, его содержащего) во всех указанных выше редакциях. Необходимо отметить, что рассматриваемый цикл антифонов окончательно сформировался в форме, зафиксированной в современных греческих богослужебных книгах, лишь к концу X века, сохраняя значительные расхождения в количестве и составе тропарей в ранних византийских рукописных традициях [9: 217–220]. Эти различия отразились и в церковнославянской книжности вплоть до XV века. Больше всего различий присутствует в богородичных тропарях, завершавших каждый антифон. Поэтому богородичные, а также другие тропари, отсутствующие в одной или нескольких редакциях, не включались в анализируемый материал.

2. Наличие в греческом оригинале рассматриваемого фрагмента различных поэтических средств. На данном этапе исследования мы анализировали следующие фонетические, морфологические, лексические и синтаксические образные средства:

- а) паронимазия – использование двух или более этимологически неродственных слов сходного звучания, но различного значения [8: 26–27];
- б) паронимия – поэтический повтор двух или более различных слов с одинаковыми морфемами [8: 26]; в рамках данного образного средства далее выделяются:
 - повторы корневой морфемы;
 - повторы деривационного префикса;
 - повторы суффикса и/или флексии (гомеоптон или гомеотелевт) [1: 234–240];
- в) лексический повтор – намеренное повторение в образных целях одного и того же слова в одной или различных грамматических формах;
- г) синтаксический параллелизм – повторение сходных синтаксических конструкций [8: 29–41].

Всего было проанализировано 11 фрагментов из 10 антифонов. Результаты сопоставительного анализа представлены ниже.

1. Антифон 1, тропарь 3.

Греческий оригинал: Τὰς αἰσθήσεις ἡμῶν, καθαρὰς τῷ Χριστῷ παραστήσωμεν, καὶ ὡς φίλοι αὐτοῦ, τὰς ψυχὰς ἡμῶν θύσωμεν δι’ αὐτόν, καὶ μὴ ταῖς μερίμναις τοῦ βίου, συμπνιγῶμεν ὡς ὁ Ἰούδας, ἀλλ’ ἐν τοῖς ταμείοις ἡμῶν κράξωμεν... – синтаксический параллелизм, усиленный гомеоптоном (παραστήσωμεν – θύσωμεν – συμπνιγῶμεν – κράξωμεν) и троекратным лексическим повтором местоимения ἡμῶν. Редакция А: чювъствина наша чиста хрѣи прѣдъставимъ и ѿко дрочзи его дше наше положимъ его ради а не печальми житии-

скими съ оудавимъ се ѿко же июда нъ въ храмѣ нашемъ възъпиемъ... – сохранение синтаксического параллелизма и гомеоптотона, ослабленного наличием возвратной формы (оудавимъ се), лексический повтор местоимения ослаблен употреблением различных грамматических форм. Кроме того, буквально неточный перевод множественного числа единственным (ἐν τοῖς ταμείοις ἡμῶν – въ храмѣ нашемъ) создает новый гомеоптон (нашемъ – възъпиемъ). В редакциях Б и В данная неточность исправляется, за исключением этого текст не претерпевает существенных изменений. В редакции Г замена возвратного глагола на возвратное местоимение (оудавимъ се – оудавимъ себе) усиливает параллелизм и гомеоптон, приближая поэтическую структуру перевода к оригиналу.

2. Антифон 2, тропарь 1.

Греческий оригинал: Ἐδραμε λέγων ὁ Ἰούδας, τοῖς παρανόμοις γραμματεῦσι. Τί μοι θέλετε δοῦναι, καὶ γὰρ ὑμῖν παραδώσω αὐτόν; ἐν μέσῳ δὲ τῶν συμφωνούντων, αὐτὸς εἰσθήκεις ἀοράτως συμφωνούμενος. Καρδιογνώστα, φείσαι τῶν ψυχῶν ἡμῶν. – сочетание двух паронимий: повтора префикса (παρανόμοις – παραδώσω) и корня (δοῦναι – παραδώσω) – с лексическим повтором форм одного слова (συμφωνούντων – συμφωνούμενος). Редакция А: тече гле июда къ беззаконьнымъ книгочиамъ чьто ми хочете дати и азъ вамъ прѣдамъ его срѣдѣ же свѣщаваше ищущи хъ самъ стоиши невидимо свѣщавемъ срѣдчевѣдьче гѣ помлоуи нас – лексический повтор сохранен (свѣщаваше – свѣщавемъ), однако из двух паронимий оригинала сохраняется только одна – корневая дати – прѣдамъ. Взамен утраченной создается новая корневая паронимия срѣдѣ – срѣдчевѣдьче. В редакциях Б и В данные образные средства не меняются. В редакции Г справщиком вносятся лексические изменения (взамен пары свѣщаваше – свѣщавемъ употребляется продажцихъ – продаемъ), которые не только сохраняют лексический повтор, но и делают более явными звуковые повторы славянского текста (прѣдамъ – посрѣдѣ – продажцихъ – продаемъ).

3. Антифон 4, тропарь 1.

Греческий оригинал: Σήμερον ὁ Ἰούδας, καταλιμπάνει τὸν Διδάσκαλον, καὶ παραλαμβάνει τὸν διάβολον, τυφλοῦται τῷ πάθει τῆς φιλαργυρίας, ἐκπίπτει τοῦ φωτός, ὁ ἐσκοτισμένος, πῶς γὰρ ἠδύνατο βλέπειν, ὁ τὸν φωστήρα πωλήσας, τριάκοντα ἀργυρίων, ἀλλ’ ἡμῖν ἀνέτειλεν ὁ παθὼν ὑπὲρ τοῦ Κόσμου, πρὸς ὃν βοήσωμεν. Ὁ παθὼν, καὶ συμπαθὼν ἀνθρώποις, δόξα σοι – синтаксический параллелизм первой фразы усиливается гомеоптоном (καταλιμπάνει – παραλαμβάνει) и паронимазией (Διδάσκαλον – διάβολον). Образная система остального текста тропаря, в основе

которой лежит метафорическое противопоставление света и тьмы, строится на четырехкратном ($\acute{\alpha}\theta\eta\iota - \acute{\alpha}\theta\eta\omega\acute{\nu} - \acute{\alpha}\theta\eta\omega\acute{\nu} - \sigma\upsilon\mu\mu\alpha\theta\acute{\omega}\nu$) и двукратном ($\tau\omicron\upsilon\delta\ \phi\omega\tau\acute{\omicron}\varsigma - \tau\acute{\omicron}\nu\ \phi\omega\sigma\tau\eta\rho\alpha$) повторе корневых морфем. Редакция А: **днесь** июда **вставлѣть** оучительъ и **приемлетъ** динавола **вслѣпе** похотию **сребролюбива** **ниспаде** ѿ **свѣта** **вмраченъ** како **во** **можаше** **зрѣти** **продавъ** **свѣтило** на **трехъдесетъ** **лѣтъ** **сребръницъ** **нъ** **намъ** **вспиналъ** **страдавзы** **за** **миръ** **къ** **немоу** **же** **възпиемъ** **страдавзы** **за** **миръ** и **мълюи** **члвкы** **слава** **тебѣ** – славянский перевод сохраняет только синтаксический параллелизм и гомеоптотон (**вставлѣть** – **приемлетъ**), а также паронимию **свѣта** – **свѣтило**. Греческая 4-членная паронимия с корнем $\acute{\alpha}\theta\eta$ - превращается в двухчленный лексический повтор слова **страдавзы**. Однако начиная с редакции Б и вплоть до редакции Г происходит замена лексемы похотию на синонимичную **страстижъ**, что усиливает данную паронимию еще одним третьим членом, существенно улучшая общую поэтическую структуру тропаря.

4. Антифон 5, тропарь 2.

Греческий оригинал: $\acute{\alpha}\sigma\chi\omega\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \acute{\omega}\varsigma\ \acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\omicron\varsigma$, $\kappa\alpha\iota\ \sigma\acute{\omicron}\zeta\omega\ \acute{\omega}\varsigma\ \phi\iota\lambda\acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\omicron\varsigma$ – синтаксический параллелизм, усиленный корневой паронимией.

Редакция А: **страждоу** **во** **яко** **члвкъ** и **спасю** **же** **яко** **млсрдъ** – параллелизм сохраняется, однако паронимия теряется. Исправления, сделанные в редакциях Б и Г, восстанавливают паронимию оригинала. Ср. вариант редакции Г: **страждѣ** **в** **яко** **члвкъ** и **спасѣ** **яко** **члвкъ** **коловець**.

5. Антифон 6, тропарь 2.

Греческий оригинал: $\Sigma\eta\mu\epsilon\rho\nu\ \tau\tilde{\omega}\ \sigma\tau\alpha\upsilon\rho\tilde{\omega}\ \pi\rho\sigma\eta\lambda\omega\sigma\alpha\nu$, $\text{I}\omega\delta\alpha\iota\omicron\iota\ \tau\acute{\omicron}\nu\ \text{K}\acute{\upsilon}\rho\iota\omicron\nu$, $\tau\acute{\omicron}\nu\ \delta\iota\alpha\tau\epsilon\mu\acute{\omicron}\nu\tau\alpha\ \tau\eta\nu\ \theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha\nu\ \acute{\rho}\acute{\alpha}\beta\delta\omega$, $\kappa\alpha\iota\ \delta\iota\alpha\gamma\alpha\gamma\acute{\omicron}\nu\tau\alpha\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \acute{\epsilon}\nu\ \acute{\epsilon}\rho\eta\mu\omega$. $\Sigma\eta\mu\epsilon\rho\nu\ \tau\eta\ \lambda\acute{\omicron}\gamma\chi\eta\ \tau\eta\nu\ \pi\lambda\epsilon\upsilon\rho\acute{\alpha}\nu\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\ \acute{\epsilon}\kappa\acute{\epsilon}\nu\tau\eta\sigma\alpha\nu$... – лексический повтор ($\sigma\eta\mu\epsilon\rho\nu$) и паронимия префикса $\delta\iota\alpha$ ($\delta\iota\alpha\tau\epsilon\mu\acute{\omicron}\nu\tau\alpha - \delta\iota\alpha\gamma\alpha\gamma\acute{\omicron}\nu\tau\alpha$). В славянском тексте, не имеющем различий между редакциями, данная паронимия не сохраняется, однако взамен ее предлагается другая с префиксом **про-** (**проведшаго** – **проводоше**). Ср. вариант редакции А: **днесь** на **крѣстѣ** **пригвоздише** июдеи **гдѣ** **раздѣльшаго** **море** **жъзломъ** и **проведшаго** **въ** **пучыстѣни** **ихъ** **днесь** **копиемъ** **рѣбра** **его** **проводоше**.

6. Антифон 7, тропарь 1.

Греческий оригинал: $\dots\ \acute{\alpha}\ \acute{\epsilon}\delta\eta\lambda\omega\sigma\alpha\ \acute{\upsilon}\mu\iota\nu\ \delta\iota\alpha\ \tau\acute{\omicron}\nu\ \text{P}\rho\omicron\phi\eta\tau\acute{\omicron}\nu\ \mu\omicron\upsilon$, $\acute{\alpha}\delta\eta\lambda\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \kappa\rho\upsilon\phi\iota\alpha$ – корневая паронимия-антитеза ($\acute{\epsilon}\delta\eta\lambda\omega\sigma\alpha - \acute{\alpha}\delta\eta\lambda\alpha$) передается в славянских переводах только в редакциях Б и В: **яже** **явихъ** **вамъ** **прѣркы** **моими** **не** **явимаъ** **таина**. Ср. редакция А: **яже** **гдѣхъ** **прѣркы** **своими** **не** **явленаъ** **таина**, редакция Г: **яже** **сказахъ** **вамъ** **прѣркы** **моими** **везвѣстнаъ** **таина**.

7. Антифон 8, тропарь 2.

Греческий оригинал: $\dots\ \kappa\alpha\iota\ \kappa\alpha\kappa\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\nu\ \acute{\alpha}\nu\tau\prime\ \epsilon\upsilon\epsilon\rho\gamma\acute{\epsilon}\tau\omicron\upsilon$... – корневая паронимия-антитеза

($\kappa\alpha\kappa\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\nu - \epsilon\upsilon\epsilon\rho\gamma\acute{\epsilon}\tau\omicron\upsilon$) передается всеми славянскими редакциями. Ср. редакция А: и **злѡдѣя** **въ** **блгѡдѣтелъ** **мѣсто**.

8. Антифон 9, тропарь 1.

Греческий оригинал: $\dots\ \tau\eta\nu\ \tau\iota\mu\eta\nu\ \tau\omicron\upsilon\ \tau\epsilon\tau\iota\eta\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon$, $\acute{\omicron}\nu\ \acute{\epsilon}\tau\iota\mu\eta\sigma\alpha\nu\tau\omicron\ \acute{\alpha}\nu\tau\omicron\ \iota\omega\delta\omega\nu\ \text{I}\omega\sigma\eta\lambda\omicron\iota\sigma\iota\ \dots$ – дословно повторяет соответствующие евангельские слова (Матф. 27: 9), содержащие трехчленную корневую паронимию с корнем $\tau\iota\mu$ -, которая передается всеми славянскими редакциями. Ср. редакция А: **цѣноу** **цѣненаго** **его** **же** **цѣнише** **ѿ** **снѡвъ** **излѡвъ**.

9. Антифон 10, тропарь 1.

Греческий оригинал: $\mu\eta\ \phi\acute{\epsilon}\rho\omega\nu\ \theta\epsilon\acute{\alpha}\sigma\alpha\sigma\theta\alpha\iota$, $\Theta\epsilon\acute{\omicron}\nu\ \acute{\upsilon}\beta\rho\iota\zeta\acute{\omicron}\mu\epsilon\nu\omicron\nu$ – параномазия, которую не удастся передать ни одной из славянских редакций. Ср. вариант редакции Б: **не** **терпа** **зрѣти** **бгѡу** **до** **сажаемоу**.

10. Антифон 10, тропарь 2.

Греческий оригинал: $\text{O}\ \mu\alpha\theta\eta\tau\eta\varsigma\ \eta\rho\eta\eta\sigma\alpha\tau\omicron$, $\acute{\omicron}\ \text{A}\eta\sigma\tau\eta\varsigma\ \acute{\epsilon}\beta\acute{\omicron}\eta\sigma\epsilon$. $\text{M}\nu\eta\sigma\theta\eta\tau\iota\ \mu\omicron\upsilon\ \text{K}\acute{\upsilon}\rho\iota\epsilon$, $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\eta\ \text{B}\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\iota\acute{\alpha}\ \sigma\omicron\upsilon$... – параномазия ($\mu\alpha\theta\eta\tau\eta\varsigma - \mu\eta\sigma\theta\eta\tau\iota$) не передается ни одной из славянских редакций, дословный перевод соответствующих словоформ (**оученикъ** – **помани**) не имеет фонетического созвучия.

11. Антифон 15, тропарь 1.

Греческий оригинал: $\Sigma\eta\mu\epsilon\rho\nu\ \kappa\rho\epsilon\mu\acute{\alpha}\tau\alpha\ \acute{\epsilon}\pi\iota\ \xi\acute{\upsilon}\lambda\omicron\upsilon$, $\acute{\omicron}\ \acute{\epsilon}\nu\ \acute{\upsilon}\delta\alpha\sigma\iota\ \tau\eta\nu\ \gamma\eta\nu\ \kappa\rho\epsilon\mu\acute{\alpha}\sigma\alpha\varsigma$. $\Sigma\tau\acute{\epsilon}\phi\alpha\nu\omicron\nu\ \acute{\epsilon}\zeta\ \acute{\alpha}\kappa\alpha\nu\theta\acute{\omega}\nu\ \pi\epsilon\rho\iota\tau\acute{\iota}\theta\epsilon\tau\alpha\iota$, $\acute{\omicron}\ \tau\acute{\omicron}\nu\ \text{A}\gamma\gamma\acute{\epsilon}\lambda\omega\nu\ \text{B}\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$. $\Psi\epsilon\upsilon\delta\eta\ \pi\omicron\rho\phi\acute{\upsilon}\rho\alpha\nu\ \pi\epsilon\rho\iota\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\epsilon\tau\alpha\iota$, $\acute{\omicron}\ \pi\epsilon\rho\iota\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega\nu\ \tau\acute{\omicron}\nu\ \sigma\upsilon\rho\alpha\nu\acute{\omicron}\nu\ \acute{\epsilon}\nu\ \nu\epsilon\phi\acute{\epsilon}\lambda\alpha\iota\varsigma$... – поэтическая структура данного фрагмента, который по праву может быть причислен к вершинам византийской поэзии, строится на сочетании синтаксического параллелизма и гомеоптотона ($\kappa\rho\epsilon\mu\acute{\alpha}\tau\alpha - \pi\epsilon\rho\iota\tau\acute{\iota}\theta\epsilon\tau\alpha\iota - \pi\epsilon\rho\iota\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\epsilon\tau\alpha\iota$) и двух лексических повторов ($\kappa\rho\epsilon\mu\acute{\alpha}\tau\alpha - \kappa\rho\epsilon\mu\acute{\alpha}\sigma\alpha\varsigma$ и $\pi\epsilon\rho\iota\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\epsilon\tau\alpha\iota - \pi\epsilon\rho\iota\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega\nu$), противопоставленных по категории залога. Последний повтор усиливается паронимией префикса ($\pi\epsilon\rho\iota\tau\acute{\iota}\theta\epsilon\tau\alpha\iota$). Сочетанием гомеоптотона и параномазии можно считать повтор окончаний $-\omega\nu/-\omicron\nu$. Редакция А: **днесь** **висить** на **дрѣвѣ** **повѣшен** **землю** на **водахъ** **въ** **нѣцъ** **тръновъ** **носитъ** **црѣ** **ангельскы** **ложною** **порфирию** **вблачить** **се** **вблачеи** **невеса** **вблаци** – сохранение параллелизма и гомеоптотона (**висить** – **носитъ** – **вблачить**), первый лексический повтор заменяется на паронимию (**висить** – **повѣшен**), второй сохраняется (**вблачить** **се** – **вблачеи**). Теряется паронимия последнего повтора с предшествующим глаголом (**носитъ**), однако появляется новая паронимия с последующим существительным (**вблачить** **се** **вблачеи**... **вблаци**). В редакциях Б и В образная структура отрывка не претерпела существенных изменений, за исключением замены глагола **носитъ** на **взскладдѣтъ** **са**. Однако в редакции Г этот же

глагол меняется на *облагает* *сλ*, что восстанавливает утраченную паронимию оригинала и делает поэтические повторы фрагмента еще более яркими (*облагает сλ... ωβλαχίτη сλ одъважи нъω ωβлакы*).

Итак, сопоставительный анализ степени передачи поэтических средств (парономазии, паронимии, лексического повтора, синтаксического параллелизма) греческого оригинала в десяти текстовых фрагментах из Антифонов Великой Пятницы по 15 церковнославянским спискам XI–XIV веков, отражающим четыре редакции славянского перевода, показал следующее:

1. При переводе греческого гимнографического текста на церковнославянский язык, а также при редактировании славянского текста с использованием греческого оригинала переводчики и справщики, несомненно, обращали внимание не только на точную передачу содержания византийского текста, но и на перенесение в пространство другого языка его образно-поэтической структуры. Прежде всего переводчики и справщики следили за сохранением в переводе паронимии (фрагменты 1–4, 6–8, 11), лексических повторов (фрагменты 1, 2, 3, 5, 11) и синтаксического параллелизма (фрагменты 1, 2, 3, 4, 11) оригинала, в то время как первичные (не основанные на сходстве морфем) фонетические повторы (фрагменты 2, 3, 9, 10, 11) в абсолютном большинстве случаев передать в переводе им не удается.

2. Творчески подходя к процессу перевода, переводчики и справщики не только механически переносили в перевод поэтические средства оригинала, но и создавали на их основе собственные фигуры в духе поэтики византийского текста (фрагменты 1, 2, 5, 11), обогащая его образную структуру. Как перенесенные, так и вновь созданные образные средства рассмотренных категорий сохраняются при последующих справках, что свидетельствует о соответствующем их восприятии книжниками и читателями средневековых текстов.

3. Особой поэтической чуткостью и талантом обладали создатели первого славянского перевода антифонов (редакция А) и Афонской редакции (редакции Г). Однако славянский текст отразил разное их отношение к переводимому оригиналу. Если создатель редакции А относится к византийскому тексту достаточно свободно, стремясь не к копированию, но скорее к сотворчеству во всем, что касается его образной структуры, временами используя метод парафраза [5: 738–739], то справщик редакции Г пытается совместить буквальную точность с точностью поэтической. Это ему во многом удается благодаря качественно новому состоянию церковнославянского языка, существенно обогатившему за прошедшие века свой лексический запас и образность. Именно по этому пути и пойдет в дальнейшем развитие церковнославянской поэтики, всегда опиравшейся на творческое переосмысление византийских образцов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дмитриевский А. Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц во святом Иерусалиме IX–X вв. Казань, 1894. С. 124–139.
- ² Црвенковска Э. Загрепски Триод. Сер.: Стари текстови. Т. VII. Скопиа, 1999. С. 402–425.
- ³ Црвенковска Э., Макаријоска Л. Орбелски Триод. Сер.: Стари текстови. Т. X. Скопиа, 2010. С. 306–310.
- ⁴ Jakobson R. *Fragmenta Chilandarica Paleoslavica*. A. *Sticherarium*. Ser.: *Monumenta Musicae Byzantinae*. Vol. V. Copenhagen, 1957. Л. 27v–48r.
- ⁵ Τριώδιον Κατανυκτικόν. *Ev Venetia*, 1876. С. 373–377.
- ⁶ Παπαδοπούλου-Κεραμιέως Α. *Ανάλεκτα Ιεροσολυμιτικής σταχυολογίας*. Τ. Β'. *Ev Πετρούπολει*, 1897. С. 116–133.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.
2. Борисова Т. С. К проблеме возникновения славянской церковной поэзии: воспроизведение поэтических средств в раннеславянских переводах византийской гимнографии // *Universum Humanitarium*. 2015. № 1. С. 40–57.
3. Борисова Т. С. Текстология церковнославянских переводов византийских гимнографических текстов по спискам Триоди постной XII–XV веков. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2016. 280 с.
4. Кривко Р. Н. Перевод, парафраз и метр в древних славянских кондаках, I: Метрика древней церковнославянской поэзии в исследованиях XIX–XX вв. // *Revue des études slaves*. 2011. Т. 82. № 2. С. 169–202.
5. Кривко Р. Н. Перевод, парафраз и метр в древних славянских кондаках, II: Критика, история и реконструкция текстов // *Revue des études slaves*. 2011. Т. 82. № 4. С. 715–743.
6. Панин Л. Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 217 с.
7. Borisova T. On the Problem of the Transmission and the Ensuing Adoption of Byzantine Acrostic in the Early Ecclesiastical Slavonic Translation of the Hymnography // *Fragmenta Hellenoslavica*. Vol. 2. Thessaloniki, 2016. С. 113–136.
8. Filonov Gove A. The Slavik Akathistos Hymn. Poetic elements of the Byzantine Text and its Old Church Slavonic Translation. Munchen, 1988. 290 с.
9. Jav ier F. Πάθος και Ανάσταση: Ιστορική εξέλιξη της Βυζαντινής υμνογραφίας της Μεγάλης Βδομάδας και της Εβδομάδας της Διακαινησίμου. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη, 2007. 540 с.
10. Momi na M. *Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11–14 Jahrhunderts*. Vol. 1. Ser.: *Patristica Slavica*. München, 2004. 1002 с.

Borisova T. S., National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece)

DIACHRONIC ASPECT IN THE STUDY OF THE POETICS OF THE CHURCH SLAVONIC TRANSLATED HYMNOGRAPHIC TEXTS

The present paper deals with the process of formation of the poetic devices of the Church Slavonic language and literature. Specifically, the problems of the transmission of the poetic devices in the process of translating Byzantine hymnography to Church Slavonic were discussed. The investigation was performed on the material of the translation of 15 Antiphons from the Service of the Great and Holy Friday. The text was studied diachronically by the comparative analyses of the variants from different text versions from 15 North Slavonic and East Slavonic manuscripts (Triodion, Pentecostarion, Sticherarium) dating from the XI up to the XIV century. This approach helps to verify the attitude of the Medieval Slavic scholars towards the certain phenomena, as well as to provide a more complex picture. Comparing the rates of the transmission of different poetic devices one can easily see that the commonly transmitted devices include paregnemon (secondary sound repetition), lexical repetitions and syntactic parallelism. The results of the comparative analyses also helped to reveal two text versions which paid special attention to the poetic devices: the first Slavonic translation and the Athonite reduction, which used different approach to the Greek text poetical structure. The results obtained would definitely help us to understand the main characteristics of the Ecclesiastic Slavonic poetics of the primary period (XI–XIV centuries) from the point of view of the scholars contemporary with it.

Key words: Old Church Slavonic literature, Byzantine hymnography, translation of the liturgical texts, Antiphons from the Service of the Great and Holy Friday, historical poetics, paregnemon, paronomasia, syntactic parallelism

REFERENCES

1. Averintsev S. S. Poetics of early Byzantine literature. Moscow, 1997. 343 p. (In Russ.)
2. Borisova T. S. On the genesis problem of the Slavonic Ecclesiastical poetry: the transmission of the poetic devices in the early Ecclesiastical Slavonic translation of the hymnography. *Universum Humanitarium*. 2015. No 1. P. 40–57. (In Russ.)
3. Borisova T. S. Textology of Church Slavonic translations of Byzantine hymnographic texts based on the Triodion manuscripts of the XII–XV centuries. Novosibirsk, 2016. 280 p. (In Russ.)
4. Krivko R. N. Translation, paraphrase and metrics in Old Church Slavonic Kontakia. I: Metrics of Old Church Slavonic poetry: a critical survey of studies of the XIX–XX centuries. *Revue des études slaves*. 2011. Vol. 82. No 2. P. 169–202. (In Russ.)
5. Krivko R. N. Translation, paraphrase and metrics in Old Church Slavonic Kontakia. II: Textual criticism, textual history and reconstruction. *Revue des études slaves*. 2011. Vol. 82. No 4. P. 715–743. (In Russ.)
6. Panin L. G. History of the Church Slavonic language and linguistic textology. Novosibirsk, 1995. 217 p. (In Russ.)
7. Borisova T. On the problem of the transmission and the ensuing adoption of the Byzantine acrostic in the early Ecclesiastical Slavonic translation of the hymnography. *Fragmenta Hellenoslavica*. Vol. 2. Thessaloniki, 2016. P. 113–136.
8. Filonov Gove A. The Slavic Akathistos Hymn. Poetic elements of the Byzantine text and its Old Church Slavonic translation. Munchen, 1988. 290 p.
9. Javier F. Πάθος και Ανάστασις: Ιστορική εξέλιξη της Βυζαντινής υμνογραφίας της Μεγάλης Βδομάδας και της Εβδομάδας της Διακαινησίμου. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη, 2007. 540 σ.
10. Momiina M. Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11–14 Jahrhunderts. Vol. 1. Ser.: Patristica Slavica. München, 2004. 1002 σ.

Ποστυπια в редакцию 17.10.2018